

Владимир Познер:

«Я понимал, что в Японии мне будет очень трудно»

Более десяти лет российский журналист и телеведущий Владимир Познер погружает зрителей своих документальных фильмов в атмосферу самых разных стран, будь то Англия, Европа или Америка. В преддверии выхода нового документального фильма о Японии автор рассказал о трудностях, с которыми ему пришлось столкнуться в этой стране, и о том, какое вознаграждение ждет того, кто найдет в себе силы их преодолеть.

Текст: Александра Базденкова
Фото: Марк Боярский

— Владимир Владимирович, до Японии Вы добрались только в 2019 году. Почему так поздно? И почему именно сейчас?

Я бывал в Японии и до этого, но как турист. А тут — приехал делать фильм об этой стране. Первый раз я снимал такой фильм в 2006 году, в США (Прим. Ред. — «Одноэтажная Америка»), и уже тогда понимал, что в Японии мне будет очень трудно. Все-таки в Европе я говорю на нескольких языках, общение гораздо более простое, культура общая — иудейско-христианская. Я понимал, что в Японии будет не так, и считал, что вряд ли мне что-то удастся там сделать. Но мои коллеги продолжали меня уговаривать, и тогда я, в конце концов, сдался и поехал. Поэтому получилось поздно по сравнению с другими странами и поначалу — даже без особой охоты.

— Поделитесь Вашими впечатлениями от Японии.

— После первого месяца работы я был в легкой истерике, у меня было ощущение, что я ничего не могу понять, никак не могу пробиться, что интервью не получаются, и вообще фильм не получится. Даже сожалел о том, что мы вообще начали снимать. Но во время второй поездки, осенью, произошел прорыв. Вдруг этот барьер, который определялся другим языком, непонятными мне привычками, взглядами и порядками, был преодолен. И тогда я прикипел к Японии. Когда ты прорываешься, получаешь большое вознаграждение, в смысле откровенности, прямоты, я бы даже сказал, теплоты. Я не хотел бы там жить, потому что понимаю, что все равно всегда буду там чужим. Но я очень хочу бывать там, и уже не как турист, а как человек, который что-то понял.

— А что стало поворотным моментом?

— Мне трудно сказать. Может, это связано с тем, что я действительно прочувствовал какие-то вещи. Может, с тем, что мои собеседники поверили, что я искренен в своих попытках их понять. Тогда эта маска безразличия, закрытости с них спала, и все стало совсем

по-другому. Я думаю, это результат усилий с моей стороны: я очень много читал и очень к этому стремился.

— А что Вы читали? Что бы посоветовали тем, кто только открывает для себя эту страну?

— Тот, кто интересуется Японией, без труда найдет нужную литературу. Я могу назвать книгу Алекса Керра «Потерянная Япония», это писатель американского происхождения, который всю жизнь посвятил изучению Японии. «Ветка сакуры», которую Всеволод Овчинников написал еще в 80-е, оказалась полезна. Так или иначе, перед поездкой в Японию нужна серьезная подготовка. Для сравнения, если вы едете, скажем, в Италию, такое вряд ли понадобится.

— С какими именно трудностями Вы столкнулись?

— В Японии очень не любят неожиданности. А любой мой вопрос — это неожиданность для них, им всегда нужно готовиться. Лобовой вопрос не проходит, он просто не работает, это другое восприятие. Или строгая иерархия: все решения спускаются сверху вниз, и любой их пересмотр происходит по той же схеме: снизу вверх и снова сверху вниз. Но в чужой монастырь со своим уставом не ходят.

— А в чем для Вас очарование Японии?

— Страна необыкновенно красивая, поразительная природа, сами японцы отличаются удивительно тонким вкусом. Это понимание красоты очень привлекает. И еще привлекает то, как с тобой разговаривают. Японцы не смотрят в глаза, это считается невежливым, но они не врут. Такое впечатление, что японцы врать не умеют. Они говорят то, что есть. Другое дело, что у них постоянно идет внутренняя борьба между тем, что следовало бы говорить с точки зрения правильного поведения, и тем, что хочется сказать. И это одна из причин, я думаю, стрессов в Японии.

— Теперь, узнав о Японии многое, какие представления русского человека об этой стране Вы находите абсурдными или в корне неверными?

Стереотипов по отношению к японцам — масса, и у всех они очень похожи, что у русских, что у американцев, что у англичан, что у французов. Есть какой-то определенный набор представлений, который, как всякий стереотип, отчасти верен, но в целом — нет.

«Японцы ничего не выражают, а это значит, что они скрытные», — конечно, вывод абсолютно неправильный, ведь их учат с самого детства сдерживать свои эмоции, не перекладывать их на других, отсюда это внешнее спокойствие, сдержанность. Или стереотип о том, что у японцев нет чувства юмора, это абсолютная неправда. Другое дело, что в Японии все расписано: есть время для шуток, а есть время для работы. Если ты этого не знаешь, ты сталкиваешься с раздражающими факторами, делаешь неверные выводы, и выходит такой японец: он сдержанный, у него нет чувства юмора, он не откровенный и, вообще, какой-то робот...

— А что японцы думают о нас?

— Мы получаем свои представления о других народах, главным образом, из СМИ. Прежде всего, из телевидения. Это то, что нам хотят внушить, определенная пропаганда. Узнать, что думают о нас японцы, очень трудно. Они никогда вам не скажут, если считают, что это может вас обидеть. Но я думаю, что они вообще к иностранцам относятся свысока. Японский народ считает себя выше, памятуя о своей древней истории, о том, что их императорской династии, как минимум, 1500 лет — ни в одной другой стране такого нет. Они особенно негативно относятся к китайцам и корейцам по историческим причинам, а ко всем остальным у них смешанное чувство. С одной стороны, они считают, что мы неуклюжие, как слоны в посудной лавке, что у нас нет той тонкости, которая есть у них. С другой стороны, все, что у них есть современного, пришло с Запада, они это брали и улучшали. Отсюда комплекс: «Раз все, что у нас есть, пришло оттуда, значит, в чем-то мы хуже».

У меня был водитель в Японии. Как вы знаете, там левостороннее движение. Мы разговорились, и в какой-то момент он мне говорит: «А все-таки руль слева — это круто». Я недоумеваю: «Почему?» — «Потому что в Европе так». Потом он помолчал минут пять и добавил: «И, к тому же, у вас длинные ноги, а у нас короткие».

— Как-то Вы назвали англичан «европейскими японцами»...

— Да, у островных народов, несомненно, есть общие черты. Англичане так же малопонятны, как японцы. То есть вы только думаете, что их понимаете. Вам говорят: «Это очень интересно», на самом деле подразумевается, что это скука смертная. Или говорят: «Давайте как-нибудь пообедаем». Это означает «никогда». Это такие кодовые вещи, и тех, кто принимает эти слова за чистую монету, ждет разочарование. В этом смысле для меня англичане — это японцы Европы.

— Вы следите за кем-то из японских знаменитостей?

— Я не могу сказать, что мне известны современные японцы. Я очень люблю работы Хокусая, но это XVIII век (Прим. Ред. — Кацусика Хокусай (1760-1849) — японский художник, гравер периода Эдо). Куросава для меня — величайший кинорежиссер, Мифунэ — потрясающий актер (Прим. Ред. — Тосиро Мифунэ, наиболее известен по ролям в фильмах режиссера Акира Куросава). Я люблю книги японских авторов. В этом смысле Япония для меня — не далекая и не чужая страна.

Я очень люблю японскую поэзию, но так как сам профессионально занимался переводами, хочу сразу сказать: никакой перевод не отражает оригинал полностью. Особенно в поэзии, где звучание играет особую роль. Поэтому я крайне сожалею, что не знаю японского и не могу читать в оригинале, прочувствовать японскую поэзию.

— Одним из героев Вашего фильма стал японский писатель Содзи Симада. Какое впечатление он произвел на Вас?

— Это была одна из тех встреч, когда мы сразу вышли на общую волну. В Японии это происходило не часто, все-таки мы очень разные.

— По какому принципу Вы подбираете героев для своих фильмов?

— Это довольно сложный процесс. Во-первых, есть известные имена, стараешься их получить. Потом смотришь, какие сферы важны. Предположим, производство риса для Японии — это исторически важный аспект. Значит, нужны фермеры. Что еще важно для понимания этой страны? Как там воспитывают детей? Ведь известно, что до пяти лет им разрешается все, а потом держат в строгости. Тогда выясняем, с кем можно говорить на эту тему. То же со школьным

**В ЯПОНИИ ВСЕ РАСПИСАНО: ЕСТЬ ВРЕМЯ
ДЛЯ ШУТОК, А ЕСТЬ ВРЕМЯ ДЛЯ РАБОТЫ**

образованием, с самураями и т.д. Так, постепенно, определяются темы, а потом начинается поиск людей, которым есть, что сказать.

— **Чему Вас научила Япония, как Вас изменила эта поездка?**

— Работая в Японии, я ощутил удивительную искренность людей, с которыми говорил. Это произвело на меня очень сильное впечатление. Я не могу сказать, что это меня изменило, но память об этом осталась, сидит во мне. Развитое чувство собственного достоинства и, вместе с тем, доведенное до автоматизма бережное отношение к окружающим. Думать прежде, чем говорить, ведь то, что ты скажешь, может обидеть другого человека. Носить маску не потому что плохая экология, а чтобы защитить окружающих от своих же микробов. Не выражать своих чувств, чтобы не грузить ими окружающих.

— **А как Вам современная японская эстетика?**

— А я даже не знаю, что это. И что такое — современное? Вот я смотрю на работы Хокусая — они что, не современные? Если искусство трогает меня лично, тогда оно современное, если нет, тогда оно — никакое. Если говорить о европейской стороне, например, Леонардо да Винчи — это современно? Да, для меня современно, я не могу от него оторваться. А, скажем, какой-нибудь художник, творящий ныне, но который меня не волнует, почему он вдруг современный художник? Он никакой не художник — для меня.

— **Какие Ваши любимые города в Японии?**

— Есть очень красивые современные здания, в частности, в Токио, но очень много и просто уродливого. Вообще странное строительство в больших городах, такое впечатление, что их лепили без всякого плана. В Японии это как-то особенно расстраивает. Но все-таки Токио мне очень нравится. И, конечно, бывшая столица — Киото. Там сохранилось очень много

красивого, дух времени. Мне также очень понравились японские деревни с их большими деревянными домами, по девять комнат в доме, не то, что крохотные квартирны в больших городах.

— **Что Вы думаете о российско-японских отношениях?**

— С Японией мы никуда друг от друга не денемся, мы — соседи. Отношения сейчас довольно неплохие, но все-таки мирного договора нет, и это не очень хорошо. По моему мнению, лучше пойти на компромисс. Поскольку Россия — евроазиатское государство, оно имеет непосредственные интересы в Азии, поэтому отношения с Японией имеют огромное значение. Я знаю, что сейчас все больше смотрят в сторону Китая, но я думаю, что это неправильно, надо было бы приложить максимум усилий для сближения с Японией.

ЯПОНИЯ ДЛЯ МЕНЯ — НЕ ДАЛЕКАЯ И НЕ ЧУЖАЯ СТРАНА

— **Какие у Вас мечты и планы профессионального характера?**

— Я не очень люблю заглядывать вперед. Мне очень нравится моя работа, я хочу дальше ее делать, и как можно лучше, получать от нее радость и удовлетворение. Без ложной скромности могу сказать, что профессионально я состоялся, и в этом смысле чувствую себя очень уютно. Хотя, атмосфера в стране для журналистов — не самая лучшая. Кстати, я разговаривал с несколькими японскими журналистами о том, как обстоят дела со свободой слова и свободой печати в Японии, и никто из них особенно не жаловался. Правда, это были владельцы изданий. К сожалению, с руководством NHK мне не удалось встретиться, хотя было бы интересно, все-таки я — телевизионщик. В России сегодня быть журналистом очень непросто, но зато интересно. ■

Владимир Владимирович Познер

Российский и американский журналист, телеведущий, первый президент Академии российского телевидения (1994-2008), писатель. Родился в Париже. Ведет авторскую программу-интервью «Познер» на «Первом канале». Автор серии документальных фильмов-путешествий совместно с Иваном Ургантом («Одноэтажная Америка» (2008), «Тур де Франс» (2010), «Их Италия» (2012), «Германская головоломка» (2013), «Англия в общем и в частности» (2014), «Еврейское счастье» (2016), «В поисках Дон Кихота» (2017), «Самые. Самые. Самые» (2018).